

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ: НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕ- СТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Изучение истории Великой Отечественной войны считалось важнейшим направлением исследований в СССР и продолжает им оставаться во многих постсоветских государствах. Общее количество работ о войне уже к середине 1980-х гг. превысило 20 млн наименований, а за прошедшие с тех пор два с половиной десятилетия выросло еще примерно в полтора раза. Достаточно интенсивно разрабатывались и вопросы формирования историографии войны². В то же время научно-организационные аспекты становления историографии Великой Отечественной войны, за исключением отдельных сюжетов³, оказались недостаточно изучены.

В данной связи представляется достаточно актуальным осмысление рассматриваемой проблемы на основе институционального подхода, обращающего главное внимание на формы и практики исследовательской деятельности историков. Анализ их эволюции позволяет выделить два основных этапа в развитии историографии Великой Отечественной войны: советский и постсоветский (современный). Использование указанных наименований в данной статье носит отчасти условный характер: под советской историографией понимается исследовательская деятельность историков в СССР, под постсоветской – в государствах, образовавшихся после его распада, без учета различий между историографическими школами, направлениями и отдельными историками, относящимися к одному этапу. При обращении к современной историографии главное внимание уделено исследованиям проблемы в России, Украине и Беларуси, где ее разработка имеет особое значение.

Сбор первых материалов по истории Великой Отечественной войны начался практически с первых ее месяцев. Уже в январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с задачей сбора и публикации материалов о действующих

боевых частях, партизанских соединениях, героическом труде советских людей на фронте и в тылу. Ее возглавили начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) профессор Г.Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР И.И. Минц, в состав вошли академик Е.М. Ярославский, член-корреспондент АН СССР М.Б. Митин, профессор Е.Н. Городецкий, редактор «Правды» П.Н. Поспелов, другие ученые, государственные и общественные деятели. Сотрудники комиссии выезжали на фронты и в тыловые районы страны для сбора материалов и записи рассказов очевидцев⁴.

В мае 1942 г. возникла комиссия при ЦК ВЛКСМ, собиравшая материалы об участии комсомольцев и молодежи в Отечественной войне, использованные для организации специальной выставки на данную тему в Государственном историческом музее. Комиссии по сбору материалов периода Великой Отечественной войны были также созданы в ВЦСПС, при различных наркоматах и ведомствах, в Белорусской и Украинской ССР, Крымской АССР, Одесской и Свердловской областях, Севастополе и других местах. Поддержка государственных органов, с одной стороны, облегчала им доступ к различным объектам исследования, установление контактов с руководителями и командирами разных рангов, с другой, обуславливала определенную идеологическую и политическую заданность их деятельности⁵.

Для учета последствий нацистской оккупации части советской территории в ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). Председателем ЧГК стал секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник, членами – секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, А.Н. Толстой, академики Е.В. Тарле, Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, Т.Д. Лысенко, И.П. Трайнин, Герой Советского Союза В.С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич). В республиках и областях были созданы местные комиссии, действовавшие в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК.

Члены комиссий производили обследование могил и трупов, собирали показания свидетелей и освобожденных узников немецких тюрем и концлагерей, допрашивали военнопленных, изучали

документы, фотоснимки и другие улики преступлений. Всего ЧГК рассмотрела 54 тыс. актов о злодеяниях фашистов, свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений, около 4 млн актов о материальном ущербе, причиненном захватчиками. Во время войны было опубликовано 27 сообщений ЧГК о злодеяниях гитлеровцев, совершенных ими на территории СССР и Польши, а итоговый сборник документов вышел уже в 1946 г.⁶ Материалы ЧГК использовались при проведении в 1943 г. первых судебных процессов над военными преступниками в Краснодаре и Харькове, а в 1945–1947 гг. в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске и других городах. Они также составили важнейшие доказательства советского обвинения на Нюрнбергском процессе.

В 1942 г. при академиях наук СССР и союзных республик были созданы специальные отделы или комиссии по обобщению опыта Великой Отечественной войны, а весной 1944 г. образован военно-исторический сектор в Институте истории АН СССР, первым руководителем которого стал генерал-лейтенант А.В. Сухомлин. В Генеральном штабе РККА в 1942 г. был создан специальный отдел (затем – управление), а в штабах фронтов и армий – отделения по использованию опыта войны. Было издано 20 сборников, освещавших вопросы подготовки и проведения Сталинградской, Курской, Белорусской, Яско-Кишиневской и других операций⁷, 50 информационных бюллетеней⁸. Отдел по использованию опыта войны был создан и в Главном штабе Военно-морского флота. Сборники и информационные бюллетени издавали также Главное политическое управление РККА, штабы Военно-воздушных сил, ПВО, артиллерии, бронетанковых и механизированных войск, инженерных войск, войск связи, тыла, штабы и политические органы фронтов, армий, отдельных соединений и другие учреждения Вооруженных сил СССР⁹.

К различным событиям Великой Отечественной войны обращались многие авторы – журналисты, писатели, корреспонденты, партийные, советские и хозяйственные руководители, общественные деятели, но большинство публикаций носило пропагандистский характер. В брошюрах и статьях в периодической печати описывались жестокость оккупантов в отношении мирного советского населения и военнопленных, прославлялись дружба народов и советский патриотизм, преимущества советского строя,

популяризировались подвиги советских граждан на фронте и в тылу, действия партизан и подпольщиков¹⁰.

После войны специальные комиссии и отделы Отечественной войны, занимавшиеся сбором материалов по данной теме, были упразднены, их материалы сданы в архивы. Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР передали в архив Института истории АН СССР, документы комиссии при ЦК ВЛКСМ – в его собственный архив, на основе которого позже возник Центральный архив ВЛКСМ. На основе Комиссии по истории Отечественной АН УССР в 1950 г. был создан военно-исторический отдел, призванный продолжить работу по изучению «героического подвига украинского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Но просуществовал он менее двух лет, и в 1952 г. был расформирован. Материалы комиссии оказались распределены между архивом украинского филиала Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), Центральным историческим архивом и архивом Института истории Украины АН УССР¹¹.

Новые документы поступили из-за рубежа – в январе 1946 г. правительство Чехословакии передало в СССР документы Русского заграничного исторического архива в Праге и Донского казачьего архива, использовавшиеся при подготовке судебных процессов над лицами, обвинявшимися в сотрудничестве с оккупантами. Для исследователей доступ к данным документам вплоть до 1988 г. был ограничен. Ведомственные архивы также передавали в государственные архивы материалы военных лет. В 1947 г. в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ)) поступили материалы Международного военного трибунала для главных немецких преступников из Министерства юстиции СССР, а в 1951 г. – документы ЧГК. Позже сюда передали документы высших и центральных органов власти и управления СССР и РСФСР, ВЦСПС и другие материалы. Но допуск исследователей в архивы, находившиеся в ведении МВД СССР, в послевоенные годы оставался крайне ограниченным.

Определенные изменения произошли и в организации военно-исторических исследований. В 1947 г. на базе военно-исторического отдела было сформировано соответствующее управление

Генерального штаба. До этого, в феврале 1946 г. был создан исторический отдел Главного штаба ВВС. В штабах родов войск, тыла, в главных управлениях Министерства обороны СССР создавались военно-исторические отделения и группы, занимавшиеся подготовкой трудов по актуальным вопросам истории Великой Отечественной войны. Военно-исторический сектор Института истории АН СССР в с 1954 г. был переименован в сектор истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Его сотрудники и военные историки подготовили первый обобщающий коллективный труд в форме очерков¹². Вышли и другие работы о войне¹³. Общее количество авторов, обращавшихся к военной теме, сократилось, зато ей занялись первые профессиональные исследователи, нередко являвшиеся участниками войны. Как писал известный советский историк А.М. Самсонов: «на фронте я решил, что если останусь жив, то стану историком Великой Отечественной войны»¹⁴. Бывшие фронтовики порой воспринимали события военных лет сквозь призму личного восприятия, что находило отражение в стиле и проблематике исследований.

В теоретическом отношении работы военного и послевоенного времени следовали оценкам войны, сформулированным И.В. Сталиным¹⁵, отличались непримиримостью к любым отклонениям от официальной точки зрения, апологетикой действий советского руководства, его успехов и достижений без учета их цены. За отход от официальной доктрины, обращение к проблемам, которые выходили за рамки сложившегося круга изучаемых вопросов, исследователей могли ожидать негативные последствия. Единственный академический журнал советских историков «Вопросы истории» призывал их «проводить решительную борьбу со всеми враждебными советской науке теориями, с проявлениями буржуазного объективизма и космополитизма»¹⁶.

Определенные изменения в формировании советской историографии Великой Отечественной войны произошли в период «оттепели». Уже с 1956 г. расширился доступ исследователей к архивам, а в 1960 г. Главное архивное управление было передано в ведение Совета Министров СССР. В 1957 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был образован отдел истории Великой Отечественной войны, а в Институте истории АН БССР – сектор истории Великой Отечественной войны и партизанского движения

в Белоруссии. Начался выход новых журналов «Вопросы истории КПСС» и «История СССР». Выросло общее количество публикаций по теме, в том числе переводных изданий, были подготовлены фундаментальный обобщающий труд по истории Великой Отечественной войны¹⁷ и другие работы¹⁸. Расширились контакты советских историков с зарубежными коллегами, они стали принимать участие международных научных конференциях по истории Второй мировой войны и движения Сопротивления. Впрочем, пределы дозволенного в исторических исследованиях были жестко определены. Уже в 1962 г. прекратился выход журнала «Исторический архив», а первые серьезные проблемы для него возникли в связи с публикацией материалов о партизанском движении на Кубани, поскольку партийное руководство посчитало, что они могли быть использованы «буржуазной пропагандой»¹⁹.

Само переосмысление проблемы носило поверхностный характер. Вследствие критики культа личности отдельные авторы вообще перестали упоминать имя И.В. Сталина в работах по истории Великой Отечественной войны, используя наименование его должности (Верховный Главнокомандующий). Ссылки на «культ личности» нередко выступали в роли «универсального объяснения всех проблем и трудностей» в развитии советского общества²⁰. Картина событий военных лет упрощалась, а все негативные стороны жизни советского общества объяснялись при помощи субъективного фактора – личной роли И.В. Сталина и Л.П. Берии.

Во второй половине 1960-х – 1980-х гг. исследование военной темы продолжалось в Военно-научном управлении Генерального штаба, в военных академиях, академических научных учреждениях, вузах и музеях страны. В 1966 г. был создан Институт военной истории Министерства обороны СССР, ставший главным координирующим центром военно-исторических исследований. В 1969 г. отдел истории Великой Отечественной войны появился в Институте истории АН УССР, а в 1973 г. сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны и истории второй мировой войны возникли в Институте истории СССР и Институте всеобщей истории АН СССР. Изучением военной проблематики занимались сотрудники и других исследовательских институтов, вузов, музеев. В ее разработке сложился своеобразный синтез поколений историков – непосредственных участников войны и тех,

кто пережил ее в детском возрасте. При этом карьера многих авторов была тесно связана с партийными и комсомольскими органами, что откладывало свой отпечаток на их взгляды и профессиональную социализацию в целом.

В эти годы вышли новые обобщающие труды по истории советского общества²¹ и Второй мировой войны²², другие исследования²³. Однако обращение к истории Великой Отечественной войны сопровождалось ее дальнейшей сакрализацией, проявлением которой стали торжественно отмечавшиеся начиная с 1965 г. юбилеи Победы. Над исследователями сохранялся строгий идеологический контроль, а цензура дополнялась самоцензурой: советские авторы, как историки, так и мемуаристы, в большинстве своем хорошо понимали, какой должна быть «правда» о войне. Усилившееся противостояние с западными историками породило особый жанр «критики буржуазных фальсификаторов».

В официальной картине истории Великой Отечественной войны не нашлось места ни трагедиям окружения и плена миллионов советских солдат, ни массовому сотрудничеству советских граждан с противником, ни депортациям отдельных народов. В советской историографии не учитывались многочисленные трудности и лишения в жизни общества, замалчивались просчеты и неудачи советского руководства, участие коллаборационистов в репрессиях против своих сограждан, противоречившее выводам о «морально-политическом единстве» и «дружбе народов» как главных источников Победы. Война нередко рассматривалась как полоса сплошных побед, достигнутых усилиями всей страны под руководством коммунистической партии. Региональные исследователи в основном повторяли выводы авторов, сделанные на общесоюзных материалах, в лучшем случае указывая на отдельные специфические черты, присущие развитию их республик, краев и областей в военные годы, трактовавшиеся как исключения из правил.

В рассматриваемый период окончательно сформировалось само мемориальное пространство Великой Отечественной войны. Его важнейшими структурными элементами являлись крупные мемориальные и музейные комплексы, ставшие центрами проведения массовых церемоний и советских ритуалов. При этом выбор объектов мемориализации (например, «городов-героев») нередко определялся случайными обстоятельствами или личными пристра-

ствиями советских лидеров. Повышение социально-правового статуса ветеранов войны в советском обществе сопровождалось организацией систематических встреч с ними как главными хранителями «живой» памяти, в ходе которых вырабатывались единые содержание и сам стиль рассказов о войне, комплекс описываемых сюжетов, а также тех тем, о которых говорить было не принято.

С конца 1980-х гг. в развитии историографии проблемы начались изменения, связанные с общими переменами в жизни страны. При этом на ход и характер дискуссий прямо влияло политическое противостояние сторонников и противников советского строя, а «герои войны» нередко менялись местами с «антигероями», их образы подвергались десакрализации и демифологизации. Неслучайно, что в эти годы так и не состоялось издание 10-томного труда по истории Великой Отечественной войны, а руководитель авторского коллектива Д.А. Волкогонов был уволен с должности начальника ИВИ МО СССР за «очернение советской истории».

Распад СССР и появление новых государств, изменения в организации системы архивных учреждений, рассекречивание и публикация документов в начале 1990-х гг. обусловили переход к новому этапу в развитии историографии Великой Отечественной войны. Структура исследовательских учреждений, специализирующихся на изучении военной темы, подверглась значительным трансформациям, но продолжает в значительной степени наследовать советской эпохе, что особенно характерно для России, Украины и Беларуси. В Институте истории Украины Национальной академии наук Украины существует специальный отдел истории Украины периода Второй мировой войны (заведующий – д.и.н. А.Е. Лысенко). В других постсоветских государствах данной темой занимаются, как правило, военно-исторические подразделения более общей направленности. В Институте российской истории РАН – центр военной истории России (руководитель – д.и.н. Г.А. Куманев), в Институте всеобщей истории РАН – центр истории войн и геополитики (руководитель – д.и.н. М.Ю. Мягков). В Институте истории Национальной академии наук Беларуси – отдел военной истории и межгосударственных отношений (заведующий – д.и.н. А.М. Литвин).

ИВИ МО РФ в 2010 г. был преобразован в Центр (военной истории научно-исследовательский) Военной академии Гене-

рального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, а в 2011 г. вновь стал институтом той же академии. Несмотря на преобразования, история Великой Отечественной войны остается для него одним из важнейших исследовательских направлений.

Свой вклад в разработку рассматриваемой проблематики вносят и другие научно-исследовательские учреждения и вузы, в которых стали появляться собственные исследовательские центры, специализирующиеся на ее изучении. Так, в 2011 г. создан Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (директор – д.и.н. О.В. Будницкий). Традиционно военной темой занимаются исследователи Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Смоленска, Краснодара, Ставрополя, Саратова, Магнитогорска, Элисты и других научных центров. Среди украинских историков своими работами по рассматриваемой проблематике выделяются историки Киева, Донецка, Харькова, Луганска, Одессы и других регионов. Очередная смена поколений историков порой происходит достаточно болезненно. Тем не менее, в последние десятилетия созданы новые серьезные специальные исследования и обобщающие труды²⁴. Существенное значение для установления данных о потерях имеет подготовка и издание Книг памяти.

Активная работа по сбору материалов и их изучению традиционно осуществляется научными сотрудниками музеев, прежде всего, посвященных непосредственно военной теме (Центральный музей Вооруженных сил и Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Москве, Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Киеве, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны в Минске, Государственный музей-панорама «Сталинградская битва» Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда), других национальных, региональных и краеведческих музеев.

Альтернативные прежним оценки стремятся сформировать в историческом сознании постсоветских обществ музеи «советской оккупации» в Риге, Таллинне, Вильнюсе, Тбилиси и Киеве, музей «антибольшевистского сопротивления» в Подольске. Они криминализируют советский период истории или сопоставляют со-

ветский и нацистский режимы (идея «двух оккупаций»), формируя новые комплексы «жертв» и «оккупантов».

Дифференциация и партикуляризация прежнего единого мемориального пространства тесно связана с активным участием в выработке представлений о войне различных общественных объединений и политических сил. Среди них, в частности, международная организация «Мемориал», фонд «Холокост» и другие негосударственные структуры, реализующие собственные исторические проекты. Великая Отечественная война сохраняет значение важнейшего «места памяти» практически на всем постсоветском пространстве²⁵.

В результате во многих постсоветских государствах принимаются специальные решения, направленные на выработку определенных представлений о тех или иных спорных вопросах истории войны и их закрепление в массовом сознании при помощи административно-правовых и мемориальных мероприятий. Так, в 1997 г. по поручению Президента Украины была создана Правительственная комиссия по изучению деятельности ОУН и УПА (рабочую группу историков возглавил д.и.н. С.В. Кульчицкий)²⁶.

В 2006 г. по инициативе президента В.А. Ющенко возник Институт национальной памяти Украины (ИНПУ) с целью создания «справедливой истории украинской нации», на основе которой ожидалась ее консолидация, а также «соответствующего почтения всех тех, кто боролся за Украину». Одной из его конкретных задач считалось «восстановление доброго имени Степана Бандеры». В 2008–2009 гг. состоялось 12 «круглых столов» для разработки концепции формирования национальной памяти в контексте «истории Украины во Второй мировой войне». Но с приходом президента В.Ф. Януковича ИНПУ из органа государственной власти превратился в «обычное» научно-исследовательское учреждение.

В последние годы активизировалось внимание и российского руководства к проблемам интерпретации истории Великой Отечественной войны. В 2009 г. создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Ранее, в 2008 г. был создан Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» как общественная организация, заявившая одной из главных задач «противо-

действие фальсификации и политически мотивированному искажению истории на постсоветском пространстве»²⁷. Особое внимание уделяется репрессиям оккупантов и коллаборационистов против советского населения в Прибалтике и других западных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны²⁸.

Пересмотр прежних оценок и интерпретационных моделей выразился уже в самом отказе от прежнего наименования войны как «Великой» и «Отечественной». Чаще всего в качестве альтернативы ему используется название «Вторая мировая война», составной частью которой в советской историографии и рассматривалась Великая Отечественная война – как вооруженная борьба, с одной стороны, между СССР, с другой, между Германией и ее союзниками (в зарубежной историографии для ее обозначения обычно применялось понятие «Восточный фронт»). Стали употребляться также понятия «советско-немецкая» или «советско-нацистская война» – неполные и неточные уже вследствие того, что в составе антисоветской коалиции участвовали войска фашистской Италии и других союзников Германии, не являвшиеся ни «нацистскими», ни «немецкими». Очевидно, что для части авторов указанная смена понятий обусловлена стремлением подчеркнуть отказ от прежней исследовательской парадигмы. С этим связана и идеализация лиц, сотрудничавших с противником в годы войны, нередко рассматриваемых в качестве новых национальных «героев», резкая критика советского руководства и Красной армии. Напротив, ряд исследователей принципиально сохраняет приверженность прежним подходам, настаивая на необходимости выделения Великой Отечественной войны как особой части Второй мировой войны²⁹.

В целом, идеология продолжает влиять на выработку представлений о Великой Отечественной войне, а историки, занимающиеся данной темой, неизменно испытывают воздействие социального и политического заказа в прямой или опосредованной форме. Острые противоречия в интерпретации сложных и трагических событий военного времени нередко принимают форму новых «боев за историю», сопровождаются сносом памятников и установлением новых монументов, внесением соответствующих изменений в учебники истории. Разные точки зрения на события войны нередко становятся основой для дипломатических конфликтов и раскола в самих постсоветских обществах.

Наряду с этими «родовыми» проблемами становления историографии постсоветских государств, тесно связанными с процессами формирования новой национальной идентичности, в ее развитии можно выделить и другие общие черты. В частности, они проявляются в обращении к социальной и культурной истории, гендерному подходу, различным аспектам повседневной жизни, механизмам поведения и особенностям сознания в экстремальных условиях военного времени, практикам восприятия себя и «других».

Практически на всем постсоветском пространстве начался настоящий бум устно-исторических исследований. Нередко она формировалась как своеобразная альтернатива «официальной» историографии, позволявшая «услышать» те социальные группы, голоса которых прежде не были слышны на страницах работ советских историков – «восточных рабочих», военнопленных, женщин, детей.

В последние годы возрастает значимость виртуального пространства и новых форм презентации исторических знаний, что сопровождается созданием специализированных порталов, сайтов, баз данных и электронных архивов, содержащих крупные блоки информации по истории Великой Отечественной войны³⁰. На них нередко размещаются исследования, документы, фотографии, карты и другие материалы, а форумы создают возможность для свободного общения специалистам и любителям.

Следует отметить и создание Обобщенного компьютерного банка данных Министерством обороны Российской Федерации, содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (ОБД Мемориал). К настоящему времени в ОБД Мемориал введено 13,2 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях периода Великой Отечественной войны из 35 980 архивных дел Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального военно-морского архива, Российского государственного военного архива, ГАРФ, региональных архивов, а также 31 660 паспортов воинских захоронений в Российской Федерации и за ее пределами, хранящихся в Военно-мемориальном центре Вооруженных Сил Российской Федерации. Основной массив документов – донесения о безвозвратных потерях, а также «похоронки», документы госпиталей и медсанбатов, трофейные карточки советских военнопленных и т.д.³¹.

Среди академических научных учреждений, специализирующиеся на рассматриваемой теме, следует выделить сайт Института истории Украины НАНУ, на котором представлена не только информация о разрабатываемых в нем проектах и печатных изданиях, но и тематический электронный архив публикаций. Необходимо отметить техническое обеспечение сайта, создающее возможность перевода приводимых сведений на различные языки мира³². В целом же академические учреждения и другие традиционные научно-исследовательские структуры, а также архивные учреждения пока уступают общественным организациям, а то и частным лицам в вопросах представления информации в виртуальном пространстве. В результате усиливается вероятность распространения популистских представлений и оценок событий Великой Отечественной войны, отражающих общее наступление «фольк-истории».

Таким образом, изучение Великой Отечественной войны с самого начала находилось под контролем партийных и государственных органов, что отразили формировавшиеся для этой цели структуры. Деятельность первых исследовательских учреждений и профессиональных историков в значительной степени подчинялась задачам пропаганды: своими работами они, в первую очередь, должны были способствовать обобщению военного опыта, формированию чувства ненависти к противнику, мобилизации советских граждан на борьбу с врагом. Собранные документы и материалы также активно использовались в судебно-правовой практике того времени.

В послевоенные годы создание, преобразование и упразднение исследовательских структур продолжало испытывать воздействие конъюнктуры. Закрытость архивов и общая негативная атмосфера в науке конца 1940 – начала 1950-х гг. с присущей ей идеологическими кампаниями и «проработками» чрезвычайно сужали исследовательские возможности советских историков. Только в период «оттепели» произошло расширение доступа к источникам, а подготовка обобщающего фундаментального труда стимулировала дальнейшее развитие военно-исторических исследований, но над исследователями сохранялся партийный контроль. Сложившаяся во второй половине 1950-х – 1960-х гг. исследовательская структура сохранялась с некоторыми изменениями вплоть до конца 1980-х гг. Важнейшими институтами памяти о войне стали архивы, музеи и мемориальные комплексы, а также связанные с ними церемонии и ритуалы.

В целом, советское государство строго контролировало процессы формирования и институционализации памяти о Великой Отечественной войне. В настоящее время советская историография военной темы нередко подвергается жесткой критике за верность «сталинской концепции», оценивается как отрасль партийной пропаганды³³. Подобные оценки представляются упрощенными, не учитывающими изменений в политике памяти, а также опосредованных форм ее воздействия. Социализация в научных, прежде всего академических учреждениях, складывавшиеся практики исследовательской деятельности способствовали выработке профессиональной идентичности историков. Порой она вступала в противоречие с официальной партийной линией, что особенно проявилось в период «оттепели», наступивший после смерти И.В. Сталина. Так, в ходе дискуссии 1966 г. по книге А.М. Некрича «1941, 22 июня» многие историки поддержали автора, предложившего отличавшуюся от официальной трактовки версию начала войны. В дальнейшем автора все-таки исключили из партии и вынудили эмигрировать, а преобладающей тенденцией в развитии исторической науки о войне в итоге стал исследовательский конформизм.

Специфика современной историографической ситуации определяется участием различных научно-исследовательских центров в формировании представлений о Великой Отечественной войне, остающейся одним из важнейших «мест памяти» постсоветских обществ. Наряду с академическими и другими научно-исследовательскими и научно-образовательными структурами в выработке исторических знаний по данной теме активно участвуют различные общественные организации. Все более значимую роль в данном процессе играют и новые формы представлений исторических знаний, связанные с развитием виртуального пространства и электронных средств массовой информации.

В результате происходит ослабление контроля профессионального сообщества над выработкой коллективных представлений о прошлом³⁴. К тому же и сами историки разделены множеством идеологических барьеров, а политическая история занимает значительное место в их исследованиях. Это объясняется не только воздействием конъюнктуры, но и сложившимися подходами и традиционно используемыми комплексами исторических источников. Новые волны «героизации» или «демонизации» истории

Великой Отечественной войны на практике оказываются разновидностями ее мифологизации, тесно зависящей от очередных поворотов в правящем курсе.

Однако постепенно увеличивается количество сторонников социальной и культурной истории войны, в меньшей степени подвергающейся политизации. Глубокая «проработка» прошлого становится необходимым способом установления его взаимосвязи с настоящим, позволяя «вписать» судьбу отдельных социальных групп и индивидов в контекст общемировых событий. Все это порождает надежды на то, что исследовательский профессионализм остается одним из важнейших условий выработки более разнообразной картины истории Великой Отечественной войны совместными усилиями историками разных постсоветских государств.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

² Карасев А.В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. ст. М., 1962. С. 511–525; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. Сб. ст. М., 1976; КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк). М., 1973; Историография Великой Отечественной войны. Сб. ст. М., 1980; Великая Победа: К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Советская историография). М., 1985. Ч. 1–2; Великая Победа: Исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). М., 1987. Ч. 3; Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995; Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М., 1996; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145–157; Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 4–11; Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отече-

ственной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19; Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ століття. Історичні нариси. К., 2010. Кн. 1. С. 9–143; Безугольный А.Ю. Современная закавказская историография Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 41–45 и др.

³ Михайлова Е.П. О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941–1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 352–359; Левшин Б.В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1976. С. 312–317; Архангородская Н.С., Курносоев А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219–229; Кондратенко О. Наукова діяльність Комісії по історії Вітчизняної війни на Україні АН УРСР (1945–1950 рр.) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 29–38 и др.

⁴ См.: Курносоев Л. А. Воспоминания – интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 118–132 и др.

⁵ См.: Альтман М.М. Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Из опыта работы ЦГА СССР и государственных архивов Российской Федерации. Дисс... канд. ист. наук. М., 1993.

⁶ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны. №№ 1–20. М., 1942–1945.

⁸ Информационный бюллетень отдела (управления) по использованию опыта войны Генерального штаба Красной Армии. №№ 1–50. М., 1943–1945.

⁹ Очерки советской военной историографии. М., 1974. С. 37.

¹⁰ Бурджалов Э. Тыл помогает фронту. М., 1942; Ярославский Е. Партия Ленина-Сталина – организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками. М., 1942; Вышинский А.Я. Советское государство в Отечественной войне. М., 1944 и др.

¹¹ Кондратенко О. Указ. соч. С. 35.

¹² Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1955.

¹³ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947; Воскобойников Э.А. Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1947; Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война (1941–1945). М., 1952 и др.

¹⁴ Александр Михайлович Самсонов. Библиография. М., 1970. С. 11.

¹⁵ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 4-е. М., 1944.

¹⁶ Вопросы истории. 1949. № 6. С. 100.

¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 1–6. М., 1961–1965.

¹⁸ КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959; Кравченко И.О., Залесский А.И. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1959; Кравченко Г.С. Военная экономика СССР. М., 1963 и др.

¹⁹ Ивницкий Н.А. К истории журнала «Исторический архив» (1955–1962) (Из автобиографических заметок «Трудный путь в науку») // Российская история. 2010. № 2. С. 207.

²⁰ Бордюгов В.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 25.

²¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., Т.Х. 1973.

²² История второй мировой войны. 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1973–1982.

²³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рига, 1970; Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971, Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Таллин, 1973; Советский тыл в Великой Отечественной войне. В 2 кн. М., 1974; Казахстан в Великой Отечественной войне. Алма-Ата, 1974; Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1975; Украинская ССР в Великой Отечественной войне. Киев, 1975. Т. 1–3; Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977; История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. V. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1978; Узбекская ССР в годы Великой Отечественной Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982; Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. Мн., 1983–1985 и др.

²⁴ Беларусь у гады другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Мн., 1995; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998–1999; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Мн., 1999; Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: исторический очерк. М., 2002; Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси. К., 2010 и др.

²⁵ См. подробнее: Кринко Е.Ф. Великая Отечественная война: формирование пространства исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной науч. конф. (28 – 29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 21–27.

²⁶ См.: Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси. К., 2005 и др.

²⁷ Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». Отчет о деятельности за ноябрь 2008 – ноябрь 2010 гг. М., 2010.

²⁸ Дюков А.Р. «The Soviet Story»: Механизм лжи = Dyukov A. «The Soviet Story»: Forgery Tissue. М., 2008; Его же. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; Его же. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009; Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: Документы и исследования. М., 2008; Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. М., 2010 и др.

²⁹ О позиции украинских историков по данному вопросу см.: Веденеев Д.В., Лисенко О.С. Україна у Другій світовій війні: деякі питання теорії, методології й суспільних рефлексій. Український історичний журнал. 2010. № 3. С. 14–16.

³⁰ Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru>, Победа.ru. URL: <http://www.pobeda.ru>, Солдат.ru. URL: <http://www.soldat.ru>, Великая война. URL: <http://velikvoy.narod.ru>, Победа. 1941–1945. URL: <http://victory.rusarchives.ru> и др.

³¹ ОБД «Мемориал». URL: www.obd-memorial.ru.

³² Институт истории Украины Национальной академии наук Украины. URL: <http://history.org.ua>.

³³ См. например: Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Довольно о войне? Воронеж, 1992; Их же. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М., 1994; Кулиш В.М. Указ. соч. и др.

³⁴ Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 44.